

Популярность этого альбома определить невозможно. Если б он был издан тиражом в десять, сто тысяч или в миллион экземпляров, можно было бы прикинуть, как расходятся семь этих пластинок. Но тираж альбома — всего девятьсот девяносто девять экземпляров. Каждый — пронумерован. Этот альбом стал по сути раритетом, едва появившись на свет.

Семь пластинок. Семь пластинок, записанных Владимиром Высоцким в парижской студии, которую специально отобрал и оборудовал Михаил Шемякин, большой русский художник, волею судеб оказавшийся в зарубежье и живущий сейчас в Нью-Йорке. Они были близкими, очень близкими друзьями — Шемякин и Высоцкий. Собственно, и альбом этот — в память о дружбе, которую — хоть, может, и прозвучит это кощунственно, — укрепила смерть Высоцкого.

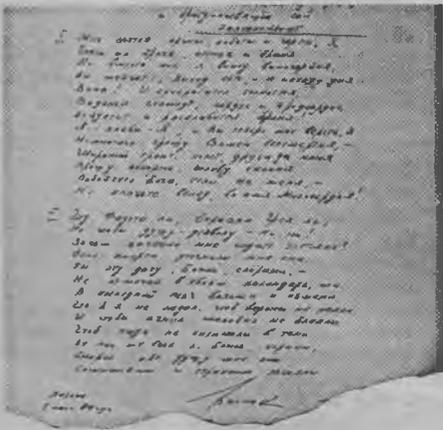
Издание не было бы возможным, если б не Шемякин. Он не только осуществил запись, он вложил немало своих средств, чтобы пластинки увидели свет.

Поклонники и знатоки творчества Высоцкого вряд ли найдут в этом альбоме песни, которые они прежде не слышали. Но в специальном сборнике, который прилагается к пластинкам и который содержит тексты всех звучащих здесь песен, есть вещи и в самом деле уникальные: письма, написанные Высоцким Шемякину, стихотворения, ему посвященные.

Некоторые из материалов альбома и хотелось бы в эти дни, в годовщину смерти поэта, воспроизвести.

НЬЮ-ЙОРК.

А. ШАЛЬНЕВ, соб. корр. «Известий».

ДВЕ ПРОСЬБЫ

М. Шемякину — другу и брату
— посвящен сей полужэкспромт.

Мне снятся крысы, хоботы и черти. Я
Гоню их прочь, стена и браня.
Но вместо них я вижу виночерпия,
Он шепчет: «Выход есть, — к исходу
дня —

Вина! И прекратится толкотня,
Виденья схлынут, сердце и предсердие
Отпустит и расплавится броня!»
Я — снова — Я, и Вы теперь

мне верьте, я
Немногого прошу взамен бессмертия, —
Широкий тракт, холст, друга да коня
Прошу покорно, голову склоня,
Побойтесь Бога, если не меня, —
Не плачьте вслед, во имя Милосердия!

Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу — дьяволу — ни-ни!
Зачем цыганки мне гадать затеяли?
Тень смерти уточнили мне они...
Ды эту дату, Боже, сохрани, —
Не отмечай в своем календаре, или
В последний миг возьми да измени,
Чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли.
Чтоб люди не хихикали в тени.
От них от всех, о Боже, охраня
Скорее, ибо душу мне они
Сомнешьями и страхами засеяли.

ВЫСОЦКИЙ

Париж, 1 июня 1980.

Дорогой мой Миша!

Посылаю тебе кое-что для пластинки с Алешей. Может кое-что и пригодится. Здесь 20 — 30 годы. Не надеюсь, что Алеша выучит, ну так все равно может пойти в дело — глядишь, кто и споет в русских кабаках.

Я, Миша, много сучусь не по творчеству, к сожалению, а по всяким бытовым делам, своим и чужим. Поэтому бываю у меня совсем уже мрачные минуты и настроения, пишу мало, играю в кино без особого интереса, видно уже надоело прикидываться, а самовыражаться могу только в стихах, песнях и вообще писании, да на это — самое главное и времени как раз не хватает. Только во сне вижу часто, что сижу за столом и лист передо мной и все складно выходит — в рифму, зло отчаянно и смешно. Но решил я — закончу вскоре самую необходимую суету и все по-боку, постараюсь сделать только свое дело. Мне бы надо занять немного твоей «маниакальности» и дотошности, я даже завидую, как ты последователен. «Если я чего решил — выйди обязательно» — это у меня такая песня есть. Так вот ты, если чего решил — выполняй. Я уверен.

Ну, а я только пытаюсь, но, увы, разбрасываюсь то ли из-за обстоятельств, то ли от того, что вынужден ходить в присутствия и дома.

Еще всякая разя мешает, но это стабильно и привычно, хотя все равно нервирует каждый новый раз. Я тебе не плачусь, а просто я собою не рад.

А тобою я рад, вспоминаю тебя часто и один, и с друзьями, кто тебя знает, а кто не знает — показываю и рассказываю, что вот, дескать, русский художник Шемякин. Хорошие художники знают тебя хорошо, плохие — хуже, да на них — плевать.

У нас на картине работает Игорь Лемешев, он не только киношный, а на мой взгляд, очень интересный живописец и по-моему наш человек и с богом в душе. Я у него кое-что возьму или сниму и тебе покажу.

Слушаю твои пластинки, гляжу твои книги, прикуриваю от твоей зажималки. Так это тебя, Мишка, у меня много. Рад, что встретились мы и продолжили это. У меня друзей мало, и к ним стоит съездить хотя бы раз в год. Ты — не можешь — значит я к тебе.

Целую тебя. Привет Риве и Доротее, целуй и их.

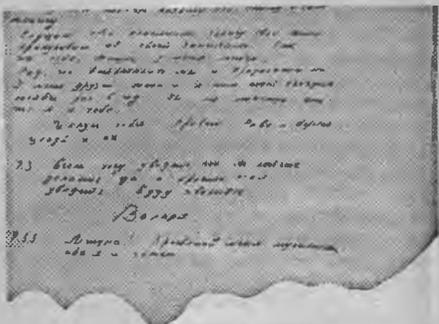
Р. С. Очень хочу увидеть, что ты сейчас делаешь, да и просто тебя увидеть. Буду звонить.

ВОЛОДА.

Р. Р. С. Мишка! Просевай меня музыкально, ибо я — темен.

В. ВЫСОЦКИЙ. Автолитография Валерия Чумакова о персональной выставки в Тамбове.

Д

ЕСЯТИКЛАССНИЦА написала в газету: «Высоцкий — программа моей жизни». Я сначала подумал: какой вздор, разве может человек, пусть даже поэт, быть программой жизни другого человека? А потом вспомнил свою собственную жизнь в годы застоя, вспомнил, кем стал для меня в эти годы Высоцкий — уверен, не для меня одного — и подумал: наверно, права все-таки Ира К., 17 лет, возможно, не совсем то слово подобрала — «программа», зато по сути правильно: может быть один человек духовной опорой, духовным ориентиром, духовной «линией жизни» других людей. В тех случаях, когда его одухотворенность одушевляет людей.

Я впервые услышал голос Высоцкого — естественно, магнитофонный, из чужого окна — насколько помню, в начале 60-х. Услышал и удивился. Сначала голосу: да разве с таким голосом можно петь? А потом тому, что он пел. Странному, завораживающему сплавом мелодии и рифмы, ярких, необычных, дотоле не слышанных. Неожиданной насмешке там, где вроде бы положено ужаснуться. Наконец, — страшно сказать! — дерзости довольно ясного намека на дубовость нашей официальной «черно-белой» пропаганды тех лет. «Из заморского из лесу, где и вовсе сущий ад, где такие злые бесы, чуть друг друга не едят. Чтоб творить им совместное зло потом, поделиться приехал опытом. Страшно, аж жуть!»

Постепенно эти песни вошли в мою жизнь, нашли отклик в душе. К ним и сейчас хочется обращаться вновь и вновь. Вот уж поистине это оказалась та песня, которая строить и жить помогает! Иногда, в минуту жизни трудную, давая утешение, иногда вызывая катарсис, очищение духа. И всегда такое впечатление — словно плечо друга. Наверное, это и есть

подлинная поэзия.

И постепенно я перестал удивляться. Сказывается, можно переосмыслить народные сказки таким образом, чтобы они зазвучали, как политический памфлет, написанный сегодня, сейчас. Можно рассказать о Великой Отечественной так, как говорили о ней сами солдаты, но не с трибуны и не на политзанятиях, да еще о самой «запретной» ее стороне, о трагедии миллионов людей, без вины виноватых. Можно отнестись с открытым чувством к жертвам «культы личности». Можно представить в очень смешном свете так называемого простого человека, даже передовика производства, да так, что этот самый передовик и не подумает обидеться, а включит магнитофон и скажет: «Правильно врезал — прям как в зеркале». Можно совсем с неожиданной стороны взглянуть и на наш быт, в котором столько несообразностей, и на наш досуг, в котором несообразностей еще больше, и даже на наш спорт, в котором, если верить газетным отчетам, якобы всегда и во всех случаях «побеждает дружба».

Удивляться перестал потому, что понял: главное — не «неожиданности» типа только что перечисленных. Главное — человек вслух, публично говорит, точнее, поет — да что там поет, кричит! — о том, о чем ты боишься даже задумываться. Выражает вслух твои мысли! Оказывается, у тебя с ним одинаковое видение жизни.

И если то, что видел вокруг негативного, обрисовывалось очень общим, но очень емким термином «деморализация», то несущийся из тысяч, а затем миллионов магнитофонов хрипловатый низкий голос возвещал, выходит, о возможности и необходимости «реморализации» — возвращении к нравственной атмосфере общества, достойного названия «социалистического». А это — намного больше, чем любые художественные открытия.

Если попытаться определить образ Высоцкого в истории нашей культуры одним словом, то самым точным, на наш взгляд,

будет: олицетворенная совесть. Поэтому и массовое лаломничество к его имени на Ваганьковском вот уже скоро десятый год, поэтому и нескончаемое море цветов на могиле, поэтому нарахват любых количество любых напоминаний о нем, говоря уж о книгах, пластинках и т.д. При жизни он не был ни «народным», ни «заслуженным», ни «лауреатом». Но то, что Высоцкий, несмотря на официальное равнодушие и запреты при жизни, волею судеб оказался народнее всех «народных», поистине народным артистом, народным поэтом, народным композитором, да еще вдобавок, учитывая условия его творчества, поистине героем труда — это не подлежит никакому сомнению.

Признаюсь, что не все строки и не все звуки в произведениях Высоцкого радуют мой глаз и мой слух. Но какое это имеет значение? По сравнению с тем, что он сделал для нашего искусства и для нашей нравственности, — никакого. Жаль, конечно, что в оценке наших деятелей культуры (и не только культуры) мы не поднялись выше черно-белого кино: либо икона — либо карикатура. Высоцкий,

ПОЭТА

как и Пушкин или Маяковский, сегодня для нас — икона. Я это понимаю и принимаю: такова жизнь, а уж по отношению к Высоцкому, учитывая условия его жизни и творчества, — тем более.

ВЫСОЦКИЙ — типичный «шестидесятник». Таким странным словом, по аналогии с «шестидесятниками» прошлого столетия, мы именуем людей, в мировоззрении которых, под впечатлением разоблачений беззакония, злодеяний, преступлений во времена «культы личности» Сталина, разоблачений, сделанных в начале 1956 г. на XX съезде КПСС, произошел переворот, определивший их «видение жизни» на десятилетия вперед, вплоть до нынешней перестройки. Высоцкий принадлежал к самой молодой когорте «шестидесятников»: в 1956 году ему исполнилось 18 лет, он окончил школу и подался в вуз, вообще-то еще не самоопределившись как следует в жизни, но быстро взрослея в смысле гражданственности. Общеизвестно, что свои первые песни долгое время (несколько лет!) он создавал и исполнял лишь для узкого круга друзей, в рамках, так сказать, «камерного капустника», т. е. заведомо в шутку, но в такую, где не доля, а все сто процентов правды. Без понимания этого немисливо понять, почему в творчестве раннего Высоцкого настолько велик удельный вес «квазиблатных» песнопений. Точно так же, как невозможно понять, почему Высоцкий демонстративно носил нателный крест, хотя некоторые его песни в смысле «безбожности» похлеще «Гавриилады» (имеется и прямое подражание ей), да и вообще относиться к нему как к верующим вряд ли кто отважится.

Видимо, и то, и другое — не только у него одного — было внешним знаком внутреннего неприятия реалий окружающего мира: разрыва слова и дела, социальной несправедливости, человеческой низости — всего того, от чего мы открыто отмежевываемся сегодня, в ходе перестройки общества.

Конечно, Высоцкий не был человеком науки и не мог рассмотреть ситуацию аналитически, диагностически, прогностически. Но он был человеком искусства, и интуиция художника подсказала ему образы, как принято говорить, вполне адекватные назревающей проблемной ситуации с переходом ее в предкризисную.

И еще одно важное уточнение. Было бы грубой натяжкой утверждать, будто в те годы никто ничего не понимал, а один лишь Высоцкий все гениально предугадал и изобразил. Это неправда. Были и люди науки, которые видели дальше Высоцкого и больше, чем он, только вынуждены были молчать. Были и люди искусства, отдельные произведения, строфы или хотя бы строки которых звучали ярче, образнее, метче, чем у Высоцкого. Но если брать творчество в целом, то среди выдающихся деятелей искусства конца 60-х и 70-х годов он оказался наиболее выдающимся.

Три темы заняли главное место в гражданской поэзии Высоцкого: Великая Оте-